

Н. А. Добролюбов

Разные сочинения С. Аксакова

Москва, 1858

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах.
Том второй. Статьи и рецензии 1859
М., "Художественная литература", 1987
Составление и примечания В. А. Викторovichа и Г. В. Краснова
[OCR Бычков М. Н.](#)

Новая книга С. Т. Аксакова никак не может вызвать серьезных критик, подобных тем, каким подвергались его "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова"¹. Изданные ныне "Разные сочинения" имеют в себе одно свойство, которое должно заставить критику -- каков бы ни был ее смысл -- принять совершенно не тот характер, что прежде. Рецензент при своем разборе всегда имеет в виду, будет ли публика читать разбираемую книгу или нет. Если будет, -- то критика, предполагая содержание известным, старается разъяснить его смысл, проследить развитие идей автора, высказать свое мнение о предметах, выводимых автором, и о способе их изображения. Так и поступала критика наша с произведениями г. Аксакова, изданными в последние годы. Но если многие соображения приводят критику к убеждению, что публика не будет, да и не должна, читать книги, то и разбор, очевидно, должен иметь другой смысл: он должен только дать понятие о книге, чтобы избавить любителей чтения от напрасной траты времени. Именно такого рода разбор мы считаем приличным для "Разных сочинений" г. Аксакова.

Но предварительно, из уважения к таланту и литературному авторитету почтенного автора, скажем, почему мы полагаем, что его новая книга не будет читаться. Мы знаем, что он возбудил интерес в некоторой части публики своими записками об ужении рыбы и о ружейной охоте. По поводу этих книг замечено было, что г. Аксаков пишет очень хорошим слогом, с теплым чувством описывает красоты природы и имеет большие познания относительно разных пород рыб и птиц². С такую репутацией оставался С. Т. Аксаков до 1856 года, когда издал "Семейную хронику"³. Отрывки из "Хроники" и "Воспоминаний" печатались еще прежде в разных журналах⁴ и возбуждали в публике большие ожидания. Издание "Хроники" встречено было с таким восторгом, какого, говорят, не бывало со времени появления "Мертвых душ". Все журналы наполнились статьями о С. Т. Аксакове. Не все критики выказали одинаковую проницательность в определении достоинств "Семейной хроники"; но все одинаково напомнили нам те времена, в которые существовали у нас *российские Пиндары, Мольеры и Волтеры*. Одни из критиков уверяли, что С. Т. Аксаков по спокойствию и ясности своего мирозерцания есть не что иное, как новый Гомер; другие утверждали, что по удивительному искусству в развитии характеров он скорее всего есть русский Шекспир; третьи, гораздо умереннее, говорили, что С. Т. Аксаков есть не более как наш Вальтер Скотт.⁵ Ниже Вальтер Скотта, впрочем, ни один из критиков не спускался. Не знаем, читала ли публика все критики на С. Т. Аксакова и верила ли им, если читала; но достоверно то, что "Семейная хроника" вскоре вышла вторым изданием,⁶ значит -- читалась. Успеху ее, кроме несомненных достоинств изложения, много содействовало и то обстоятельство, которое помогло успеху "Старых годов" г. Мельникова, "Прошлых времен" г. Салтыкова⁷ и т. п. Тут была оглядка на прошлое, на которое мы до того времени боялись оглядываться, потому что оно еще не совсем прошло для нас. Воспоминания г. Аксакова предупредили несколькими месяцами произведения гг. Щедрина, Печерского и др., и, кроме того, они стояли степенью выше их в отношении к общественному интересу, которого преимущественно ищет теперь публика в литературных произведениях. В обличительных повестях читатели видели притчу, аллегорию, сборник анекдотов; у г. Аксакова нашли правду, быль, историю. Увлеченные своей основной идеей -- карать порок, писатели-обличители делали очень часто ту ошибку, что отбрасывали в своих произведениях все, что казалось посторонним главной их мысли; оттого рассказы их и страдали часто некоторой искусственностью и безжизненностью. У г. Аксакова не было такого одностороннего увлечения; он просто писал прожитую и прочувствованную им правду, и оттого в книге его явилось более жизненности и разносторонности; общественные интересы группировались с частными, душевными и выражались в книге именно настолько, насколько имели они значение в самой